

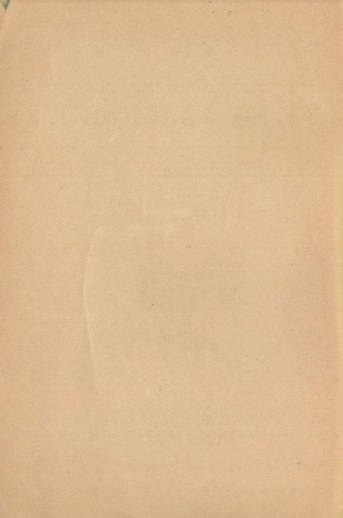
РАССКАЗЫ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПРОСПЕР МЕРИМЕ
МАТЕО ФАЛЬКОНЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

1939

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

M 522

МАТЕО ФАЛЬКОНЕ

Перевод с французского
И. ПЕТРОВА

Рисунки
Л. ЗУСМАНА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕОБЩЕГО ДЕТСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1989 ЛЕНИНГРАД

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Е. Домбровская*
Художества, редактор *А. Чеподанов*
Техн. редактор *М. Голованова*
Корректоры *Е. Вальтер*
и *О. Калман*.

Сдано в производство 27/III 1939 г.
Подписано к печати 28/VI 1939 г.
Детизмат № 1931. Индекс Д-7.
Формат 82 X 113¹/₂ мм. 1 печ. листа.
Уполномоченный Главлита А-13588.
Тираж 10000 экз. Заказ № 411.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ,
Москва, Сушинский пер. 49

337/2

1937-38 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

(1803—1870)

Проспер Мери́ме был одним из тех немногих французских писателей первой половины XIX века, которые рано получили у нас полное признание. И Пушкин и Гоголь — оба чрезвычайно высоко ценили творчество Мери́ме, считая его замечательным и наиболее своеобразным писателем его времени. «Мери́ме — острый и оригинальный писатель», говорил о нем Пушкин.

Сам Мери́ме в свою очередь с живым интересом относился к русской литературе и даже, — а это было делом далеко не легким для француза той поры, — изучал русский язык, чтобы в подлиннике читать произведения русских классиков. И Мери́ме настолько

основательно изучил русский язык, что переводил на французский Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Тургенева, впервые знакомя многих из своих соотечественников с величайшими писателями нашей страны.

В чем заключался секрет обаяния русской литературы для Мериме и чем она так привлекала его к себе? Прежде всего теми чертами, которые в высокой степени были свойственны ему самому: зоркостью, проницательностью и, главное, — а в этом именно и было коренное его отличие от основного романтического течения современной ему французской литературы двадцатых-тридцатых годов — строгой простотой и правдивостью.

Первые литературные опыты Проспера Мериме, родившегося в 1803 году в Париже, в семье художника, совпали с годами тяжелой общеевропейской феодальной и католической реакции. То была эпоха Реставрации (1815—1830), когда во Францию после падения Наполеона I вернулись изгнанные революцией Бурбоны вместе с духовенством и дворянством, снова ставшими у власти. Воспитанный родителями в духе безбожия и вольнодумных идей первой буржуазной французской революции (1789), Мериме уже в самых ранних своих произведениях смело выступал против мракобесия церковников и реакционного дворянства.

Так, в своем первом произведении «Театр Клары Газуль» (1825) — сборнике шуточных маленьких комедий из испанской жизни — двадцатидвухлетний автор дерзко высмеивает монахов, инквизиторов, лицемерных, ко-

варных, корыстолюбивых, прячущих под маской благочестия свои самые грубые и преступные помыслы. И хотя действие этих пьес разворачивается в Испании, ясно было, что ядовитые стрелы молодого Мериме направлены против реакционной Франции. В «Жакерии» (1828), драме-хронике, написанной им три года спустя, он с большим сочувствием изображает восстание французских крестьян в XIV веке и без всякой пощады изображает жестокость и бесчеловечность феодальных баронов, разорявших и грабивших своих крепостных. Такою же враждой к угнетателям и к религиозному фанатизму проникнут исторический роман из эпохи гражданских войн Франции XVI века — «Хроника времен Карла IX» (1829), в котором Мериме рисует кровавую бойню Варфоломеевской ночи.

И в дальнейшем, зрелом периоде его творчества, прославившем Мериме как несравненного мастера новеллы (небольшой повести), он остается верен своим юношеским взглядам. Он навсегда сохранил презрение к современным ему буржуазно-дворянским нравам, которые он считал выродившимися, бесцветными, вялыми и бездарными. Сам принадлежавший к так называемому «высшему обществу» по своему рождению и положению (он был крупным государственным чиновником), Мериме тем не менее ненавидел его за лицемерие, ханжество, лживую мораль и грубый деспотизм, скрывающийся под внешним лоском светского воспитания.

Мериме мечтал о других людях — сильных, прямых, волевых и смелых, — таких,

каких он не находил вокруг себя в тяжелую эпоху Реставрации и Июльской монархии (1830—1848). В поисках своих излюбленных героев он обращался то к бурному историческому прошлому Франции, то к южной экзотике полупатриархальных стран: Корсики, Испании и Африки, еще мало тронутых современной Мериме капиталистической цивилизацией. Здесь-то, в самой народной гуще, пленявшей Мериме своеобразием и красочностью своих нравов и обычаев, богатством и поэзией песен, легенд и рассказов, он и находил ту яркость, свежесть и силу переживаний, которых так нехватало, по мнению писателя, его буржуазным соотечественникам. Лучшие новеллы Мериме — «Коломба» (по размеру, впрочем, она приближается к роману), «Матео Фальконе», «Таманго», «Кармен» — рассказывают о вольных и горячих людях, в жилах которых течет кипучая кровь.

Любовь Мериме к исключительным, ярким натурам, к историческим и экзотическим сюжетам разделялась многими писателями его времени. Но они, по словам Мериме, хлопотали «прежде всего об эффекте, остроумии и блеске», и большинство из них писало напыщенно, высокопарно, многоречиво; давая полную волю разгулу своего воображения, они уводили читателя в нереальный, фантастический мир, населенный неправдоподобными героями — то чудовищно-демоническими злодеями, то небесно-добродетельными ангелами. Мериме же, стоявший особняком в современной ему литературной обстановке, старался как можно правдивее и проще рассказать о

своих героях. И все они: суровый корсиканский крестьянин Матео Фальконе, непоколебимый в своих возвышенных понятиях о чести; корсиканская девушка Коломба, свято выполняющая древний завет предков о кровавой мести («вендетта»); несокрушимый в своей ненависти к белым негритянский царек Таманго; непокорная, неподкупная, гордая цыганка с табачной фабрики Кармен, — все они, какими бы необычайными они ни казались, показаны автором без малейших прикрас, в их реальной, бытовой, каждодневной обстановке.

Мериме писал коротко, сжато, точным, прозрачно-ясным языком, чуждым всяких украшений и преувеличений, и слова, сказанные Мериме о русской поэзии, что она «ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собой», можно с полным правом отнести к нему самому.

М. Черневич

МАТЕО ФАЛЬКОНЕ

К северо-западу от Портовеккио¹, по направлению в глубь острова, местность быстро начинает подниматься, и после трех часов ходьбы по извилистым тропинкам, загроможденным большими обломками скал и иногда пересекаемым оврагами, доходишь наконец до края обширного маки. Маки — отечество корсиканских пастухов и всех тех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец, желая избавить себя от труда унаваживать свое поле, выжигает лес на некотором пространстве; не беда, если пламя распространится дальше, чем нужно; что бы ни случилось, он уверен, что получит хо-

¹ Портовеккио — один из округов Корсики. Корсика — остров, принадлежащий Франции, расположен в Средиземном море. Население говорит на наречии, близком к итальянскому языку.

роший урожай на этой земле, удобренной пеплом деревьев. После того как колосья собраны (солому оставляют, так как ее трудно снимать), корни деревьев, сохранившиеся в земле нетронутыми, выпускают следующей весной частые побеги, которые через несколько лет достигают высоты семи или восьми футов. Эти густые заросли и называются маки. Деревья и кусты разной породы растут там, перемешиваясь и цепляясь друг за друга, как угодно богу. Только с топором в руке человек может проложить себе путь, и часто встречаются маки столь густые и непролазные, что даже муфлены¹ не могут пробраться сквозь них.

Если вы убили человека, бегите в маки Портовеккино, — и вы проживете там в полной безопасности, имея при себе хорошее ружье, порох и пули; не забудьте захватить с собой коричневый плащ с капюшоном, который будет служить вам и одеялом и матрацем. Пастухи дадут вам молока, сыру и каштанов, и вам нечего бояться правосудия или родных убитого до тех пор, пока не понадобится спуститься в город, чтобы возобновить запас пороха.

Матео Фальконе жил в полумиле от этого маки, когда я был на Корсике в 18... году. Это был человек довольно богатый для тех мест;

¹ Муфлон — дикий баран.

он жил благородно, то есть ничего не делая, на доходы от своих огромных стад, которые пастухи-кочевники пасли там и сям по краю. Когда я увидел его через два года после того происшествия, о котором сейчас расскажу, ему было на вид не больше пятидесяти лет. Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с курчавыми волосами, черными как смоль, орлиным носом, тонкими губами, большими и живыми глазами и лицом цвета дубленой кожи. Его искусство в стрельбе прослыло необычайным даже в стране, где так много хороших стрелков. Так, например, Матео никогда не стрелял в муфлона дробью, но на сто двадцать шагов бил его пулей в голову или плечо, по своему желанию. Ночью он владел оружием столь же свободно, как и днем, и мне приводили такой пример его ловкости, который может показаться невероятным тому, кто не путешествовал по Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставилась зажженная свеча позади куска прозрачной бумаги величиной с тарелку. Он прицеливался, затем свечу тушили, и через минуту в совершенной темноте он стрелял, пробивая бумагу три раза из четырех.

Благодаря своему высокому искусству Матео Фальконе приобрел большую славу. Он считался таким же хорошим другом, как и опасным врагом; впрочем, охотно оказывая

услуги и помогая бедным, он жил в мире со всеми в округе Портовеккио. Но о нем рассказывали, что в Кортэ, откуда он взял себе жену, он жестоко разделался с соперником, слышшим за человека опасного как на войне, так и в любви; по крайней мере, Матео приписывали некий ружейный выстрел, который неожиданно поразил его соперника, когда тот брился перед зеркальцем, повешенным на раме окна. Когда это дело заглохло, Матео женился. Его жена Джузеппа подарила ему сначала трех дочерей (что приводило его в бешенство) и наконец сына, которого он назвал Фортунато, — надежду семьи и наследника имени. Дочери были удачно выданы замуж: отец мог рассчитывать при нужде на кинжалы и карабины зятьев. Сыну исполнилось только десять лет, но он уже обнаруживал счастливые наклонности.

Однажды осенью Матео вышел из дому с женой рано утром, чтобы пойти поглядеть на свои стада, пасущиеся на прогалине маки. Маленький Фортунато хотел идти с ними, но пастбище было слишком далеко, и, кроме того, нужно было кому-нибудь остаться смотреть за домом; отец поэтому не взял его с собой. Дальше будет видно, как ему пришлось в том раскаяться.

Уже прошло несколько часов, как Матео ушел, и маленький Фортунато спокойно лежал

на солнце, глядя на голубые горы и мечтая, что в будущее воскресенье он пойдет обедать в город к своему дяде сарогале¹, как вдруг его размышления были прерваны ружейным выстрелом. Он вскочил и повернулся в ту сторону, откуда раздался этот звук. Новые выстрелы последовали друг за другом через неравные промежутки времени и слышались все ближе и ближе; наконец на тропинке, идущей от равнины к дому Матео, показался человек в остроконечной шапке, какие носят горцы, бородатый, покрытый лохмотьями; он с трудом двигался, опираясь на ружье. Пуля только что попала ему в бедро.

Этот человек был бандит², который, отправившись ночью в город за порохом, по дороге попал в засаду корсиканских вольтижеров³. После отчаянной защиты ему удалось убежать от преследователей и их выстрелов, перебираясь с одной скалы на другую. Но он слишком мало опередил солдат, и рана лишала его

¹ Капралами прежде назывались начальники, которых выбирали корсиканские коммуны, когда восставали против феодальных синьоров. Еще теперь это название иногда дается человеку, который по своему имущественному положению, связям и обширной клиентуре пользуется сильным влиянием и является своего рода судьей в *riccio*, или кантоне. Корсиканцы делятся, по старинному обычаю, на пять сословий: дворяне (из которых одни — *magnifici*, другие — *signori*), капралы, граждане, плебен и чужеземцы. *Прим. авт.*

² Бандит — здесь — в смысле скрывающийся преступник. *Прим. авт.*

³ Вольтижеры — отряд, набранный в последние годы правительством, для того чтобы вместе с жандармерией поддерживать полицию. *Прим. авт.*

возможности добежать до маки прежде, чем они его настигнут.

Он подошел к Фортунато и сказал ему:

— Ты сын Матео Фальконе?

— Да.

— Я Джанетто Санпьеро. За мной гонятся желтые воротники¹. Спрячь меня, потому что я не могу дальше идти.

— А что скажет отец, если я спрячу тебя без его позволения?

— Он скажет, что ты сделал хорошо.

— Как знать!

— Спрячь меня скорее: они идут.

— погоди, пока вернется отец.

— Ждать? Проклятие! Они будут здесь через пять минут. Спрячь же меня, или я тебя убью.

Фортунато ответил ему с большим хладнокровием:

— Твое ружье разряжено, и в твоей саг-сера² нет больше патронов.

— У меня есть стилет.

— А разве ты можешь догнать меня? — Одним прыжком он очутился вне опасности.

— Нет, ты не сын Матео Фальконе! Неужели ты позволишь взять меня перед твоим домом?

¹ В то время вольтижеры носили коричневые мундиры с желтыми воротниками. *Прим. авт.*

² Сагсера — кожаный пояс, заменяющий собой патронташ и сумку. *Прим. авт.*

Мальчик казался растроганным.

— Что ты мне дашь, если я тебя спрячу? — сказал он, приближаясь.

Бандит полез в кожаный мешок, висевший у него на поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету¹, которую он, очевидно, приберег, чтобы купить себе порошу. Fortunato улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил ее и сказал Джанетто:

— Не бойся ничего!

Тотчас же он проделал дыру в копне сена, стоявшей около дома. Джанетто влез туда, и мальчик закрыл его сеном, оставив небольшое отверстие для воздуха, но так, чтобы нельзя было подумать, что в копне спрятан человек. Кроме того, с хитростью дикаря он придумал еще такую уловку. Он притащил кошку с котятками и бросил ее на сено, чтобы казалось, будто его давно уже не трогали. Затем, заметив следы крови на тропинке около дома, он заботливо засыпал их землей и, сделав это, лег опять на солнце с невозмутимым спокойствием.

Несколько минут спустя шестеро людей в коричневой форме с желтыми воротниками, под начальством сержанта, уже стояли перед домом Матео.

Этот сержант был дальним родственником

¹ Франк — французская монета. До войны (1914—1918) франк равнялся русским 37,5 копейки в золотом исчислении.

— Не бойся ничего!

Фальконе (известно, что на Корсике считаются родством гораздо тщательнее, чем в других странах). Его звали Теодоро Гамба. Это был человек очень деятельный, гроза всех бандитов, так как он изловил уже многих из них.

— Здравствуй, племянничек, — сказал он Фортунато, подходя к нему. — Как ты вырос! Не видал ли тут сейчас человека?

— О, я еще не такой большой, как вы, дядя, — ответил мальчик с наивным видом.

— Когда-нибудь вырастешь. Но скажи-ка, не видел ли ты тут человека?

— Не видел ли я человека?

— Да, человека в остроконечной черной бархатной шапке и в куртке, вышитой красным и желтым.

— Человека в высокой шапке и куртке, вышитой красным и желтым?

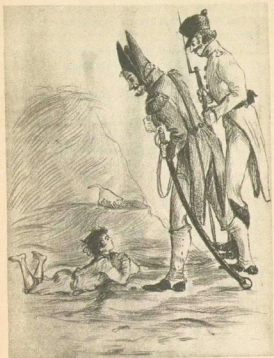
— Да, да! Отвечай скорее и не повторяй моих вопросов.

— Сегодня утром проезжал мимо ворот священник на своей лошади Пьеро. Он спросил, как поживает папа, и я сказал...

— Ах, обманщик! Ты хитришь! Говори скорее, куда девался Джанетто. Мы его ищем, и я знаю наверное, что он прошел здесь.

— Почему знать!

— Как «почему знать»? Я знаю, что ты его видел.

— Не видел ли ты тут человека?

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

— Разве видишь кого-нибудь, когда спишь?

— Ты не спал, плут: ружейные выстрелы тебя разбудили.

— Вы, значит, думаете, что ваши ружья так уж громко стреляют? Отцовский карабин хлопает погромче.

— Чорт тебя возьми, проклятый мальчишка! Я уверен, что ты видел Джанетто. Может быть, ты даже спрятал его... Товарищи, входите в дом, поищите там нашего человечка! Он мог ступать только одной лапой, а у него-дзя достаточно разума, чтобы не пытаться дойти до маки, хромая. Кроме того, следы крови кончаются здесь.

— А что скажет папа, — спросил Фортунато насмешливо, — когда он узнает, что без него входили в наш дом?

— Мошенник! — сказал сержант Гамба, беря его за ухо. — Стоит мне захотеть, и ты у меня запоешь по-иному! Пожалуй, если тебе дать двадцать ударов саблей плашмя, ты скажешь наконец правду!

Фортунато продолжал улыбаться.

— Мой отец — Матео Фальконе! — сказал он с ударением.

— Знаешь ли ты, плут, что я могу увести тебя в Кorte или Бастию? Я велю посадить тебя в тюрьму, бросить на солому, надеть на

тебя кандалы и отрубить тебе голову, если ты не скажешь, где Джанетто Санпьерио!

Мальчик разразился хохотом, услышав такую смешную угрозу.

Он повторил:

— Мой отец — Матео Фальконе.

— Сержант, — сказал тихо один из вольтижеров, — не будем ссориться с Матео.

Гамба был явно в замешательстве. Он тихо советовался с солдатами, которые уже осмотрели весь дом. Это не потребовало много времени, потому что жилище всякого корсиканца состоит из одной квадратной комнаты. Вся обстановка ее — стол, лавки, сундуки да принадлежности охоты и хозяйства. Маленький Фортунато тем временем гладил свою кошку и, казалось, лукаво радовался смущению дядюшки и солдат. Один вольтижер подошел к копне сена. Он увидел кошку и небрежно ткнул штыком в сено, пожимая при этом плечами, как если бы сознавал, что его предосторожность смешна. Ничто не пошевелилось, и лицо мальчика не выразило ни малейшего волнения.

Сержант и его отряд потеряли всякое терпение; они уже стали внимательно поглядывать в сторону равнины, как бы собираясь вернуться туда, откуда пришли, как вдруг их начальник, убедившись, что угрозы не производят никакого действия на сына Фальконе,

решил сделать последнюю попытку — подкупить его лаской и подарками.

— Племянник, — сказал он, — ты, кажется, славный мальчик. Ты пойдешь далеко. Но ты играешь со мной в дурную игру, и если бы я не боялся огорчить моего родственника Матео, клянусь дьяволом, я увел бы тебя с собой!

— Ба!

— Но, когда Матео вернется, я расскажу ему все, и за ложь он выпорот тебя до крови.

— Вы так думаете?

— Вот увидишь... Но слушай: будь хорошим мальчиком, и я тебе кое-что дам.

— А я, дядюшка, дам вам совет: если вы будете еще медлить, Джанетто убежит в маки, и тогда понадобится еще несколько таких молодцов, как вы, чтобы его отыскать.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю¹, и, заметив, как у маленького Фортунато при виде их заблестели глаза, сказал ему, держа часы за кончик стальной цепочки:

— Плутиска! Тебе бы, наверное, хотелось носить такие часы на груди. Ты гулял бы по улицам Портовеккио гордо, как павлин, и, когда люди спрашивали бы у тебя: «Который час?» — ты отвечал бы им: «Поглядите на мои часы».

¹ Экю — старинная французская монета.

— Когда я буду большой, мой дядя капитан подарит мне часы.

— Да, но у сына твоего дяди уже есть часы... правда, не такие красивые... А между тем, он меньше тебя.

Мальчик вздохнул.

— Ну, что же, хочешь получить часы, племянничек?

Фортунаато поглядел на них уголком глаза, как кошка, которой показывают целого цыпленка. Понимая, что ее только дразнят, она не смеет схватить его когтями и время от времени отводит глаза, чтобы не впасть в искушение, ежеминутно облизываясь и всем своим видом как бы говоря хозяину: «Как жестока ваша шутка!»

Однако сержант Гамба, казалось, действительно собирался подарить ему часы. Фортунаато не протянул руки и только сказал с горькой улыбкой:

— Зачем вы смеетесь надо мной?

— Ей-богу, я не смеюсь! Скажи мне только, где Джанетто, и часы будут твоими.

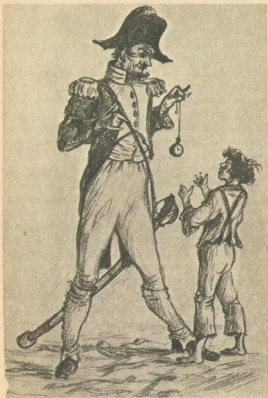
По лицу Фортунаато пробежала улыбка недоверия, и, уставив свои черные глаза в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно поверить его словам.

— Клянусь эполетами, — вскричал сержант, — я дам тебе часы за это! Солдаты — свидетели: я не могу отказаться от слова.

Говоря так, он все ближе подносил часы к лицу Фортунато, почти касаясь ими бледной щеки мальчика. На лице того ясно выражалась борьба, происходившая в его душе между страстным желанием получить часы и долгом гостеприимства. Его голая грудь тяжело вздымалась, и он почти задышался. Между тем часы покачивались перед ним и вертелись, несколько раз задев кончик его носа. Наконец мало-помалу его правая рука стала подниматься к часам, кончики пальцев коснулись их, и вслед за тем он забрал их целиком в руку; однако сержант крепко держал конец цепочки. Циферблат был голубой... луковица только что вычищена... она горела на солнце, как огонь... Искушение было слишком велико...

Фортунато поднял затем левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, у которой он стоял прислонившись. Сержант тотчас же понял его. Он отпустил свой конец цепочки, и Фортунато почувствовал себя единственным обладателем часов. Он прыгнул с легкостью лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижеры тотчас же стали раскидывать.

Сено зашевелилось, и окровавленный человек с кинжалом в руке вылез из него, но, когда он попробовал подняться на ноги, его рана не позволила ему этого, и он упал. Сержант бросился на раненого и вырвал у него стилет.

Он все ближе подносил часы к лицу Fortunato.

Тотчас же его крепко скрутили, несмотря на сопротивление.

Джанетто, лежа на земле, связанный, как охапка хвороста, повернул голову к Фортунато, который подошел к нему.

— Ах, ты... — сказал он ему более с презрением, чем с гневом.

Мальчик бросил ему назад серебряную монету, сознавая, что больше ее не заслуживает, но преступник, казалось, не обратил на это никакого внимания. С большим хладнокровием он сказал сержанту:

— Дорогой Гамба, я не могу идти: вам придется нести меня в город.

— Ты только что бежал быстрее козы, — ответил жестокий победитель. — Но будь покоен: от радости, что я наконец поймал тебя, я готов сам нести тебя целую милю на спине, не чувствуя усталости. Мы сделаем, мой друг, для тебя носилки из веток и твоего плаща, а на ферме Кресполи достанем лошадей.

— Ладно, — сказал арестованный, — только положите немного соломы на носилки, чтобы мне было удобнее.

Пока вольтижеры были заняты: одни — делая носилки из веток каштанового дерева, другие — перевязывая рану Джанетто, на повороте тропинки, идущей в маки, вдруг появился Матео Фальконе с женой. Жена подвигалась, низко согнувшись под тяжестью

огромного мешка с каштанами, в то время как муж шел налегке, неся одно ружье в руках, а другое на перевязи, ибо мужчине не подобает таскать какую-либо тяжесть, кроме оружия.

При виде солдат первой мыслью Матео было, что они пришли его арестовать. Но откуда эта мысль? Разве у Матео были какие-нибудь нелады с полицией? Нет. Он пользовался доброй славой. Он был, как говорится, личностью с хорошей репутацией; но он был корсиканцем и горцем, а не многие из корсиканских горцев, если напрягут свою память, не припомнят за собой в прошлом какого-нибудь грешка — ружейного выстрела, удара кинжалом или иной подобной безделицы. У Матео, более чем у кого другого, совесть была чиста, ибо вот уже десять лет с лишним, как его ружье не было направлено на человека; но все-таки он был осторожен и приготовился стойко защищаться, если понадобится.

— Жена, — сказал он Джузеппе, — положи на землю мешок и держись наготове.

Она повиновалась тотчас же. Он передал ей ружье, которое висело у него на перевязи и могло ему помешать. Другое ружье он зарядил и медленно направился к дому, держась поближе к придорожным деревьям, готовый при первом враждебном действии укрыться за самый толстый ствол и стрелять из-за прикрытия. Жена шла за ним по пятам, держа за-

пасное ружье и патронташ. Роль хорошей хозяйки во время боя заключается в том, что она должна заряжать ружья для своего мужа.

С другой стороны, и сержант почувствовал себя неприятно, увидев Матео, приближающегося тихими шагами, с ружьем наготове и пальцем на курке.

«А что, — подумал он, — если Матео окажется родственником Джанетто или другом и пожелает его защищать? Тогда пули его двух ружей получают двое из нас так же верно, как письма с почты. А вдруг он прицелится в меня, не посмотрев на наше родство!..»

В таком сомнении он принял наконец мужественное решение пойти самому навстречу Матео и рассказать ему о случившемся, обращаясь к нему, как к старому знакомому. Но короткое расстояние, отделявшее его от Матео, показалось ему ужасно длинным.

— Хо-хо! Эй! Старый приятель! — закричал он. — Как поживаешь? Это я, Гамба, твой кузен.

Матео, не отвечая ни слова, остановился и, по мере того как тот говорил, тихо поднимал дуло ружья, так что оно оказалось направленным в небо, когда сержант приблизился к нему.

— Добрый день, брат, — сказал сержант, протягивая ему руку. — Давно мы с тобой не видались.

— Добрый день, брат.

— Я зашел мимоходом навестить тебя и кузину Пепу. Нам была сегодня большая гонка. Но нечего жаловаться на усталость: мы поймали крупную птицу. Мы только что сцапали Джанетто Санпьеро.

— Слава тебе господи! — вскричала Джузеппа. — Он у нас украл дойную козу на прошлой неделе.

Эти слова обрадовали Гамбу.

— Бедняга! — отозвался Матео. — Ему хотелось есть.

— Он защищался, как лев, — продолжал сержант, немного обиженный: — он убил у нас одного солдата и, мало того, еще перебил руку капралу Шардону. Но это, впрочем, небольшая беда: ведь Шардон — француз... А потом он так хорошо запрятался, что никакой дьявол не сыскал бы его. Не будь маленького Фортунато, я никогда бы его не нашел.

— Фортунато! — вскричал Матео.

— Фортунато! — повторила Джузеппа.

— Да! Джанетто спрятался в этой копне сена, но мой племянничек раскрыл эту хитрость. Я скажу его дяде капралу, чтобы он прислал ему за это какой-нибудь подарок. И его и твое имя будет в рапорте, который я пошлю главному судье.

— Проклятие! — тихо произнес Матео.

Они подошли к дому. Джанетто лежал

уже на носилках; его готовились нести. Когда он увидел Матео рядом с Гамбой, он странно улыбнулся, затем, повернувшись к дому, плюнул на порог и сказал:

— Дом предателя!

Только человек, обреченный на смерть, мог назвать предателем Фальконе. Удар кинжалом, не нуждающийся в повторении, немедленно заплатил бы всякому другому за оскорбление. Однако Матео только поднес руку ко лбу, как человек, подавленный происшедшим.

Фортунато ушел в дом, когда увидел отца. Он вскоре вернулся с кувшином молока и подал его Джанетто, потупив глаза.

— Прочь от меня! — закричал арестованный страшным голосом. Затем, обернувшись к одному из солдат, сказал: — Товарищ, дай мне напиток.

Солдат дал ему в руки свою флягу, и бандит выпил воды, приняв ее от человека, с которым только что обменялся ружейными выстрелами. Затем он попросил, чтобы ему завязали руки на груди, а не за спиной.

— Я люблю, — сказал он, — лежать удобно.

Его желание охотно исполнили. Сержант дал знак к выступлению, простился с Матео, который ему не ответил, и быстрым шагом стал спускаться в равнину.

Прошло около десяти минут, прежде чем

Матео произнес слово. Мальчик поглядывал беспокойно то на мать, то на отца, который, опершись на ружье, смотрел на него с выражением сдержанного гнева.

— Хорошо начинаешь! — сказал наконец Матео голосом спокойным, но страшным для всякого, кто его знал.

— Отец! — вскричал мальчик, подбегая со слезами на глазах, готовый броситься на колени.

Но Матео закричал:

— Прочь от меня!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца.

Джузеппа подошла к ним. Она только что заметила кончик цепочки, торчавший из-под рубашки Фортунато.

— Кто дал тебе эти часы? — спросила она строго.

— Мой дядя сержант.

Фальконе схватил часы и, бросив с силой о камень, разбил их вдребезги.

— Жена, — сказал он, — мой ли это ребенок?

Смуглые щеки Джузеппы стали красны, как кирпич.

— Что ты говоришь, Матео! Подумай, кому ты это говоришь!

— Значит, этот мальчик — первый из нашего рода, кто совершил предательство.

Рыдания Фортунато усилились, а рысьи глаза Фальконе продолжали пристально смотреть на него. Наконец он ударил об землю прикладом ружья, потом взбросил его на плечо и пошел по дороге к маки, крикнув Фортунато, чтобы он шел за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа побежала за Матео и схватила его за руку.

— Ведь это твой сын, — сказала она дрожащим голосом, уставившись своими черными глазами в глаза мужа, как будто желая прочесть в его душе.

— Оставь меня! — ответил Матео. — Я его отец!

Джузеппа обняла сына и, плача, вернулась домой. Она бросилась на колени перед образом богоматери и стала горячо молиться. Между тем Фальконе прошел шагов двести по тропинке и остановился у маленького оврага, куда она спускалась. Он попробовал землю прикладом ружья; она была мягка, и ее легко можно было раскопать. Место показалось ему подходящим для исполнения его замысла.

— Фортунато, стань около того большого камня!

Мальчик сделал, что ему приказали, затем стал на колени.

— Молитву!

— Отец, отец, не убивай меня!

— Молитвы! — повторил Матео страшным голосом.

Ребенок, запинаясь и рыдая, прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец твердым голосом произносил «аминь» после каждой из них.

— Это все молитвы, которые ты знаешь?

— Отец, я знаю еще «Ave Maria» и литанию¹, которой научила меня тетка.

— Она очень длинна, но все равно — читай.

Мальчик кончал слабым голосом литанию.

— Ты кончил?

— О отец, смилуйся! Прости меня! Я не буду никогда больше этого делать! Я попрошу у дяди капрала помилования для Джанетто!

Он говорил еще что-то. Матео схватил ружье и, прицелившись, сказал:

— Да простит тебя бог!

Мальчик сделал отчаянное усилие подняться, чтобы припасть к коленям отца, но было уже поздно. Матео выстрелил, и Фортунато упал мертвый.

Не бросив даже взгляда на труп, Матео направился к дому, чтобы взять лопату и закопать сына. Едва он сделал несколько шагов, как встретил Джузеппу, которая бежала, встревоженная выстрелом.

¹ Литания — один из видов католической молитвы.

— Что ты сделал? — вскричала она.

— Совершил правосудие.

— Где он?

— В овраге. Я сейчас его похороню. Он умер христианином, я закажу мессу¹. Надо сказать зятю Теодоро Бьянки, чтобы он переехал к нам жить.

¹ Месса — католическое богослужение, обедня.

Прим. 1969

337/2

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Цена 50 коп.

К